

ГОРБАЦЕВИЧ Б. А. — в НКВД

ГОРБАЦЕВИЧ Борис Александрович. Получил высшее образование, режиссер. Проживал в Запорожье, работал режиссером в театре. В начале 1930-х — арестован, приговорен к 5 годам ссылки и выехал в Котлас, позднее — в Никольск Северного края. С марта 1932 — работал режиссером местного драматического кружка, в апреле 1935 — уволен с работы.

В январе 1936 — обратился с заявлением в НКВД.

<12 января 1936>

«Председателю Особого Совещания при НКВД

Адм<инистративно> ссыльного
Горбациевича Бориса Александровича,
прож<ивающего> в гор<оде> Никольске
Северн<ого> Края, улица К. Маркса, № 9

Заявление

Никольским Райотделением НКВД я привлечен в качестве обвиняемого по ст<атьям> 17, 58-11 и 58-10 и 13/XII мне объявлено, что следствие по моему делу закончено, и дело направляется в Особое Совещание при НКВД через Архангельское Краевое Упр<авление> НКВД. Считаю привлечение меня в качестве обвиняемого неправильным и основанным исключительно на специфических театральные интригах и ложных сведениях, данных местному Рай<онному> отделению НКВД, я категорически утверждаю, что я не совершил никакого преступления, и что все то, в чем меня обвиняют, не содержит в себе даже намека на какое-либо к<онтр>р<еволюционное> преступление.

Мне предъявляется обвинение в том, что я принимал участие в сборищах к<онтр>р<еволюционной> группы, которая готовила восстание, состоя режиссером местного драмкружка, искажал пьесы, допускал, что актеры, исполнявшие роли героев-большевиков, давали неверные типы, сорвал культ<урный> вечер на лесопункте, агитировал против современных пьес, в частности отказался поставить пьесу "Чудесный сплав", превратил театр в коммерческое предприятие и в 1932 г<оду> говорил, что меня выслали без всякой вины, и будто бы я сидел в Бутырской тюрьме. Ввиду того, что очень многое из моих показаний при допросах вовсе не фиксировалось, хотя для существа дела имеет весьма большое значение, я позволю себе в этом заявлении писать подробно по поводу каждого из предъявленных обвинений.

I. "Участие в сборищах к<онтр>р<еволюционной> группы, которая готовила восстание", — это обвинение в процессе следствия, очевидно, отпало. Если в начале следствия мои посещения пяти-шести семейных вечеринок за четыре года проживания в Никольске, где присутствовали исключительно товарищи по моей театральной работе со своими женами, и рассматривалось как "участие в сборищах к<онтр>р<еволюционной>_ группы", то потом самая версия о какой-то "группе", по-видимому, отпала, т<ак> к<ак> в процессе следствия меня ни разу даже не спросили о какой-нибудь <удь> "группе", о ее деятельности или о моем участии в ней. Мне даже неизвестно, совершено ли какое-нибудь <удь> преступление кем-либо из лиц, присутствовавших на этих семейных вечеринках, но если даже допустить, что такой факт имел место, т<о> е<сть> что кто-либо из участников совершил какое-то преступление, то

одно только мое знакомство с таким лицом или присутствие вместе за ужином не может же служить основанием для привлечения меня в качестве обвиняемого, тем более, что далеко не все же участники этих вечеринок привлечены.

II. "Искажение пьес" — в чем оно выразилось, очевидно, и следствию неизвестно, т<ак> к<ак>, несмотря на мои просьбы указать хотя бы одну пьесу, которую я "искажил", и в чем именно усматривается "искажение", мне не была указана ни одна из поставленных мною 42 пьес. По условиям нашей сцены, бедности декораций и очень ограниченного количества актеров мне приходилось часто сокращать пьесы, сводя 2-3 картины в одну, исключать второстепенных персонажей или соединять их в одно действующее лицо, т<ак> к<ак> без этого многие пьесы у нас вовсе не могли быть поставлены, но такое сокращение не есть искажение, и является безусловным правом режиссера, проводимым во всех театрах, не говоря уже о любительских. После сокращений пьеса давалась на просмотр местному Райкому и только по получении от него письменного разрешения пьеса ставилась. Всего я поставил 90 спектаклей, и каждая из поставленных 42 пьес шла 2-3 раза. На всех спектаклях присутствовал Райлит и др<угие> официальные представители разных учреждений и организаций — было выделено специально 10 литерных мест, и не было ни одного случая, чтобы после спектакля я или ответственный руководитель кружка получили хотя бы замечание по поводу пьесы, а только через полгода после увольнения меня (уволен я 1/IV, а первый допрос был в октябре), когда уже и проверить не представляется возможным, какие и в каких пьесах были сокращения, т<ак> к<ак> многих и пьес у меня нет, мне предъявляется обвинение в "искажении" пьес. А почему же 15 месяцев (с декабря 33 г<ода> по 1/IV 35 г<ода>) мне позволялось "искажать" пьесы, и эти якобы "искаженные" пьесы требовали ставить для Рай<онного> съезда, Пар<тийной> конференции, слетов колхозников и проч<ее>? Если б хоть одна пьеса действительно была искажена, то разве можно допустить, что мне разрешали ставить по неск<олько> раз да еще по требованию разн<ых> организаций?

III. "Искажение актерами типов героев-большевиков" — опять-таки мне не было указано конкретно, в какой пьесе, кем именно из актеров и в чем выразилось "искажение" типа. Оценка спектакля и исполнения нигде не фиксировалась, хотя я неск<олько> раз подымал вопрос о том, чтобы в местной газете давались рецензии, считая это общественно необходимым, но мои просьбы не удовлетворялись, а вот теперь возникает вопрос, что кто-то из актеров 1½ – 2 года тому назад плохо исполнил какую-то роль, и в этом усматривается с моей стороны, как режиссера, прест<упление>, пред<ставленное> 58 ст<атьей> УК. Я признаю, что наши актеры-любители (а мы все были только любителями), конечно, исполняли пьесы далеко не так, как они были бы исполнены в большом театре актерами-профессионалами, но во всех театрах, самых серьезных очень часто приходится читать, что даже какой-ниб<удь> известный артист дал, по мнению критика и критика авторитетного, неправильный тип, но ведь за это ни актера, ни режиссера не привлекают к ответственности по ст<атье> 58 УК. Почему же я, режиссер любительского театра, должен нести ответственность за исполнителей, которые 1½ – 2 года тому назад, по мнению неизвестного местного критика, плохо сыграли какую-то роль?

IV. "Срыв культвечера на лесопункте" — категорически отрицаю. На лесопункте по распоряжению Рай<онного> проф<союзного> союза я с неск<ольшими> членами драм<атического> кружка выезжал в 1934 г<оду>

четыре раза и в 1935 г<оду> — один раз. О каком выезде идет речь, мне на следствии не указали, но на допросе почему-то спросили о пьесе "Любовь и чай", а этой пьесы вовсе не ставили на лесопункте и никогда не собирались ее там ставить, ввиду ее громоздкости. Очевидно, следствию кем-то даны ложные сведения о каком-то "срыве", которого никогда не было. Все разы спектакли на лесопунктах ставились, на всех этих спектаклях присутствовали представители местных, а иногда краевых организаций, причем, все разы спектаклями оставались довольны, о чем говорили и мне, и от<ветственному> рук<оводителю>. Самая формулировка обвинения не говорит о каком-либо моем к<онтр>р<еволюционной> преступлении, т<ак> к<ак>, если даже допустить, что на каком-ниб<удь> лесопункте спектакль когда-ниб<удь> не состоялся, чего, повторяю, не было, то все же это еще не значит, что этот "срыв" произошел ввиду моего какого-то к<онтр>-р<еволюционного> преступления, ибо спектакль мог не состояться и по уважительной причине.

V. "Антисоветская агитация". В постановлении о привлечении указано, что я будто бы говорил, кому не указано, что на лесозаготовках эксплуатируют крестьян. Ничего даже похожего на подобный разговор у меня никогда и ни с кем не было, но при допросах меня почему-то и не спросили об этом, и на основании каких данных это обвинение возникло, чем оно подтверждается, и к какому времени относится, — мне не известно. Из последующих допросов для меня очевидно, что это обвинение отпало, а возникло уже другое. По заявлению гр<аждани>на Бугаева Н. В. я вел агитацию против современных пьес, отказывался их ставить, ставил исключительно старые пьесы и, в частности, отказался поставить пьесу "Чудесный сплав". Далее, этот же Бугаев показал, что я превратил театр в коммерческое предприятие и в 1932 г<оду> на кв<арти>ре у адм<инистративно> ссыльного Бабкова вместе с быв<шим> режиссером С. В. Каратаевым и адм<инистративно> ссыльным Перовым говорил, что "в Бутырке я сидел в каменном мешке, и меня без вины выслали". Относительно показаний Бугаева я заявлял и заявляю, что все является сплошь вымыслом и является результатом его желания, во что бы то ни стало меня погубить как своего театрального конкурента. Бугаев в драмкружке все время вел кампанию против меня, желая занять мое место, что и удалось ему в апреле 35 г<ода>. На допросе я указывал ряд факторов травли меня Бугаевым, его попыток срывать спектакли под моим режиссерством, но это не фиксировалось, т<ак> к<ак> нач<альник> Рай<онного> НКВД заявил, что это ему все известно.

По поводу каждого из выдвигаемых Бугаевым обвинений я позволю себе остановиться подробно. Из поставленных мною 42 пьес 31 пьеса современных драматургов. Я думаю, что эти цифры служат лучшим опровержением его лжи. Если более 70% мной поставлено современных пьес, то неужели можно допустить, что я был плохого мнения о всех современных пьесах и ставил только старые. Что касается пьесы "Чудесный сплав", то не только у меня не было ни с кем разговора о ней в бытность мою режиссером, но и прочел я ее и критическую статью о ней в журнале "Новый мир" в мае или июне 1935 г<ода>. Тогда в театре я уже не работал. Но если б даже допустить, что эту пьесу Бугаев мне рекомендовал, то разве то обстоятельство, что я ее не поставил, можно рассматривать как к<онтр>р<еволюционное> деяние? Как режиссер я не поставил очень много прекрасных современных пьес, но не потому, что я их считал плохими, а, во-первых, в 90 спектаклей нельзя уложить все хорошие современные пьесы, а, во-вторых, очень многие из них были

совершенно не под силу нашему драмкружку. Наконец, вопрос репертуара мною обсуждался не частным порядком с Бугаевым, с которым, кстати сказать, ввиду наших взаимоотношений, я вообще избегал говорить, а пьесы выбирались мною совместно с Райлитом и представителем Союза Драматических писателей, руководствуясь, главным образом, репертуаром больших театров. Пьесы выписывались через Цедрам из Москвы или Ленинграда и ежемесячно мною представлялись отчеты в Ленинградское Областной Отдел Союза Драматических Писателей, причем, за все время я не получил ни одного замечания по поводу репертуара, и при мне ни одна из поставленных пьес с репертуара снята не была.

Разговор у Бабкова — сплошь вымысел: я никогда в Бутырской тюрьме не был и не мог говорить что-либо подобное людям, которые прекрасно знали, что выслан я с Украины и приехал из Запорожья в Котлас на свой счет, так что и в пересыльном порядке в Москве не был. Кроме того, никто из упомянутых Бугаевым лиц у Бабкова на квартире никогда не был. Каратаев в самом начале 32 года поссорился с Бабковым за попытку последнего сорвать спектакль у Каратаева, и об этом он сообщил в ОГПУ, после чего Бабкова перевели за 40 километров от гор Никольска в село Нижняя-Кема, а с Перовым я познакомился в конце 33 года, тогда уже не было Бабкова. Из всех этих лиц сейчас есть только Перов, и его я просил допросить по этому поводу, но удовлетворено ли это мое ходатайство, не знаю, так как с материалами предварительного следствия я ознакомлен не был.

Наконец, последнее из выдвинутых против меня обвинений — "превращение театра в коммерческое предприятие". Еще в марте 1932 года при организации драматического кружка Районным профсоюзным советом он был выделен в самостоятельную хозяйственную единицу на полной самоокупаемости. Не получая ни от кого дотаций драматический кружок, который на свои средства оборудовал всю сцену, всегда испытывал материальные затруднения, и к началу моей работы, как режиссера, было более 1200 рублей долгов. Естественно, что вместе с ответственным руководителем кружка мы принимали меры к тому, чтобы выправить финансовое положение кружка, но никогда не смотрел на театр, как на коммерческое предприятие, и, заботясь только о самоокупаемости, не стремился к извлечению какой-либо прибыли, тем более, что сам я получал твердую ставку, назначенную Районным профсоюзным советом — 150 рублей в месяц. После уплаты всех вечеровых расходов по спектаклю часто оставалась еще задолженность. Безубыточными были спектакли при сумме сбора более 200 рублей, а из 71 платного спектакля 27 имели сбор менее 200 рублей, но ни один спектакль, ввиду его убыточности, не был отменен. Кроме того, из 90 спектаклей 19 было поставлено совсем бесплатно в порядке культурного обслуживания Районного съезда, Партийной конференции, слетов колхозников и прочее. Если бы в результате моей 15-ти месячной работы финансовое положение кружка ухудшилось, то мог бы быть поставлен вопрос о какой-то ответственности меня или ответственного руководителя за допущение этого, но после того, как специальная комиссия с представителем Районного финансового отдела обследовала финансовую деятельность кружка и признала удовлетворительной, когда ни мне, ни ответственному руководителю не было поставлено в вину нарушение принципа хозрасчетности, то почему сейчас в этом усматривается какое-то контрреволюционное преступление?

Финансовое положение кружка я ставил выше своих личных интересов и, имея право за 15 месяцев непрерывной работы на

законный отпуск, я отказался от него и не получал компенсации, т^{ак} к^{ак} имел в виду, что выплата мне компенсации для кружка будет тяжела.

Если можно говорить о коммерческом подходе к театру, то этот упрек можно сделать самому Бугаеву, который соглашался играть в спектаклях при условии уплаты ему гонорара 25-30 руб^{лей}, на что я не был согласен, и, очевидно, мой отказ он и рассматривал как "превращение театра в коммерческое предприятие".

Вот все те факты, о которых говорится в деле, и которые рассматриваются как преступление, предусм^{отренное} 58 ст^{атьей} УК. В Никольском драм^{атическом} кружке я работал со дня организации, т^о е^{сть} с марта 1932 г^{ода} по апрель 1935 г^{ода}. Все это время театр функционировал бесперебойно, ставя спектакли во все выходные дни, несмотря на крайне тяжелые условия, в которые был поставлен, а вот после снятия меня с работы было поставлено всего несколько спектаклей, а с сентября театр вовсе перестал функционировать, и в настоящее время город Никольск лишен этого культурного очага, а на создание здесь театра, декораций, бутафории и проч^{ее} было затрачено нашим кружком много труда, времени и собственных денег.

Прошу Вас учесть все изложенное в моем этом заявлении, и дело обо мне прекратить, за отсутствием в действиях моих состава какого-либо преступления.

О результатах рассмотрения Вами дела прошу не отказать поставить меня в известность.

Горбачевич.

Г^{ород} Никольск.
12 января 1936 г^{ода}.

Приложение: на обороте список поставл^{енных} мною пьес»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1524. С. 58-64. Автограф.